

Vox Medii Aevi
2(5) 2012

PRAEFATIO

Что такое «Vox medii aevi»? Я вот задумался недавно и понял, что только здесь смогу ответить на этот вопрос. В данном случае мысль кристаллизуется именно благодаря ее письменному выражению.

Во-первых, это, безусловно, просто кафедральная газета. Сообщить новости, рассказать о прошедших событиях, опубликовать (или попытаться) что-то интересное — это все можно вычеркнуть, потому что слишком очевидно. Не стоило, быть может, распинаться на целых три предложения.

Во-вторых, это инициатива нескольких студентов, их попытка самовыражения в рамках не только кафедры, но и факультета (ведь просмотрела газету хоть парочка новистов). Сковывает формат, но он же и делает работу интересной, приходится искать обходные пути. Написать о Всеволоде Чаплине нельзя, зато о выселении евреев из Англии в 1290-м году можно. Однако если смотреть на эту затею как на способ самореализации ее создателей, то получается грустно и эгоистично. К тому же это только часть правды.

Главное заключается в другом. Редакция пытается сделать жизнь вокруг себя чуточку интереснее и заразить при этом «вирусом интереса» как можно больше людей. Легче, быстрее! Не думайте, что мы ждем академичной серьезности, скользите с нами, помогайте нам, читайте и критикуйте нас. Последнее, пожалуй, даже важнее.

У нас много проблем: отсутствие поддержки Университета (как официальной структуры), проблемы с мотивацией авторов, малое количество информационных поводов, необходимость балансировать между форматом и «фоношеским порывом». Все они отойдут на задний план, если Вы

возьмете и прочтете этот номер. Вот все и стало просто, господа.

Огромную благодарность хотелось бы выразить коллегам из МГУ. Начиная от Сергея Юрьевича Агишева, тратившего свое время на лекции в холодном Питере (стыдно редактору, что посетил всего одну из шести, но так вышло), заканчивая студентами, которые поедут (или хотели, но не смогли) в конце апреля в Выборг. А еще всем тем, кто делал этот номер.

Тему поездки хотелось бы осветить отдельно. Тех, кто поедет, будут ждать: экскурсия по городу и замку, познавательные рассказы об этих местах от уже упомянутого С. Ю. Агишева и А. Ю. Прокопьева, приятная компания студентов из двух лучших вузов страны и, конечно «ночной Выборг». Выезжаем 28-го апреля утром, возвращаемся 29-го вечером.

Те, кому интересна эпоха Каролингов, могут интеллектуально приобщиться к ней, сходя на доклад Игоря Гайворонского (17 апреля), который организован в рамках Студенческого научного общества Кафедры (уточнить какой, я полагаю, было бы глупо). Вот, пожалуй, и все. До скорого свидания.

P. S. Поездка в Выборг обещает быть действительно веселой. А еще не удержусь и порекомендую вам альбом группы Oasis «(What's the Story) Morning Glory?» 1995 года. Классика все-таки.
Всем мир!

LIBRO CONTINENTUR

- ii. **praefatio** — от редактора
- iii. **memor** — впечатления
- v. **chronica** - отчет
- vii. **disciplina** - перед сном
- xii. **scio** — суждения и мысли
- xiii. **dialogi** — интервью
- xvi. **Acta diurna populi Romani**
— новости Кафедры

MEMOR

Елизавета Борковская, которая прослушала лекции Сергея Юрьевича Агишева, решила поделиться своими впечатлениями на этот счет. Редакция благодарит ее за это.

Идем на сближение

В марте на нашем факультете был прочитан цикл лекций, по истории Средневековой Скандинавии. Он состоялся в рамках договоренности между кафедрами медиэвистики двух университетов: МГУ и СПбГУ. До этого момента связь между ними поддерживалась только благодаря ежегодным «Курбатовским чтениям». Таким образом, приезд ассистента кафедры истории средних веков МГУ Сергея Юрьевича Агишева - явление позитивное, особенно учитывая тот факт, что он сам выступил с предложением приехать и проявил инициативу. Основной целью этого проекта было проведение краткого по времени, но объемного по содержанию цикла лекций по истории Скандинавии. И теперь мы знаем гораздо больше об этом доселе малоизвестном нам полуострове. Кроме того, это создало возможность для будущих студентов кафедры попробовать себя в изучении Скандинавских стран.

Сергей Юрьевич оказался прекрасным лектором, его рассказы было невероятно интересно слушать, и, самое главное, его преподавательский стиль ничем не отличался от стиля сотрудников нашей кафедры.

Приятным сюрпризом, как для Сергея Юрьевича, так и для меня, стала посещаемость лекций (на каждой присутствовало около 30 человек), в связи с чем, пришлось «на ходу» перестраивать форму ведения занятия из семинарской беседы в лекционную. Слушатели были самые разные: люди приходили и с других факультетов, и даже

университетов. Как оказалось, тема истории Скандинавии и вопросы, связанные с этим регионом, интересуют многих и являются актуальными не только для историков.

Теперь немного о содержании курса. На своих лекциях Сергей Юрьевич затронул все аспекты скандинавской истории: нарративный, экономический, проблемный, культурный и социальный. Как оказалось, мы не совсем не знакомы с этой темой и поэтому могли задавать ему вопросы, не относящиеся непосредственно к лекциям. На все вопросы были даны исчерпывающие ответы, и никто не остался без внимания. Кроме того, Сергей Юрьевич предоставил нам наглядный материал, что позволило еще глубже окунуться в скандинавские реалии и прошлое. А его рассказы о пережитках средневековья в современной Норвегии позволяли немного отдохнуть от потока информации, который наваливался на слушателей без перерыва в течение более трех часов.

Уже середина апреля, лекции давно закончились, и есть все основания признать этот проект удавшимся. Что же дальше – спросите вы, - неужели это все? Это мероприятие показало, что не только у петербургских, но и московских студентов и преподавателей есть желание чаще встречаться и установить тесные научные и дружеские отношения. Сейчас идет активная подготовка нового проекта, посвященного дальнейшему укреплению межкафедральных отношений, а именно совместный выезд медиевистов на weekend в город Выборг, где состоится небольшая конференция, посвященная некоторым проблемам скандинавской истории, приятные экскурсии по городу и парку «Монрепо», а главное будет возможность познакомиться и пообщаться. Присоединяйтесь!

Борковская Елизавета

CHRONICA

«Война в зеркале историко-культурной традиции»: от Конференции до Науки

Сразу же открою все карты: международную конференцию на военную тему, тем более, посвященную не только близкому мне Средневековью, но также Античности и Новейшему времени, я посетить не планировала. Мой скромный опыт говорил, что заседания, существующие фактически как довесок к толмику публикаций, зачастую скучны. Участник стремится свой доклад поскорее прочитывать и уйти, с облегчением поставив очередную галочку в списке статей... Однако, как оказалось, ученые из Петербурга, далекой Германии и не менее далекой Москвы собрались вместе именно для диалога. При этом для диалога Научного и исключительно высокого уровня. В очередной раз убедившись в том, что каждый опыт субъективен, а из всех правил есть исключения, спешу поделиться своими впечатлениями.

Медиевистическая секция, с которой я позволю себе начать, была открыта докладом А. Ю. Проккопьева «Война и сословное общество в раннее Новое время». Многие из читателей не понаслышке знают о красноречии Андрея Юрьевича. Мировое сообщество медиевистов знает также и о высоком уровне его исследований. И действительно, консервативная тема прозвучала очень современно ввиду историографического угла, избранного докладчиком. Его выступление в какой-то мере уже подняло вопрос, «а были ли религиозные войны в Европе раннего Нового времени?», ответ на который предложил Антон Шилдинг, представитель университета Тюбингена (для нас, историков, безусловно, были, а вот современники Реформации официальные причины войн всячески скрывали). Из выступлений медиевистов также отмечу доклад А. В. Доронина «Турецкая угроза в XV в. и национальный вопрос», открывший второй

день конференции, но перекликавшийся с темой «Враг у ворот», поднятой Герритом Дойчлендером в первый день. Военная проблематика была вписана исследователем в философский контекст национального самоосмысления немцев.

Выступления эллинистов и византинистов также прозвучали очень достойно. Безусловно выдающимся был доклад «Военная техника античности: образы и текст» Буркхарда Майсснера. Казалось бы, что для неспециалиста может быть скучнее военного историка, занимающегося историей осадной техники? Но зал с удовольствием следил за мыслью докладчика почти полтора часа! Действительно, ему удалось на таком конкретном предмете показать и историю изучения феномена, и сложение определенной мифологии, а также поделиться многочисленными иллюстрациями. Другие выступления — М. М. Холода, К. Клея, М. А., Морозова и др. — пусть и были ограничены 20-минутным сроком, однако не уступали «лекции» по информативности и блеску.

Не останавливаясь на отдельных докладах по новой и новейшей истории, замечу, что они наглядно продемонстрировали разницу между «русским» и «европейским» пониманием военной истории. В «наших» выступлениях (например, «Митрополит Макарий и Казанская война» В. В. Шапошника) говорилось именно о войне. Тогда немецкие гости вели речь об обществе: Сабина Тодт рассказывала об анатомическом театре и хирургической практике в XVIII в., а Михаэль Йонас, например, об образе Второй Мировой войны в исторической памяти финского народа.

Кстати, все доклады находили отклик в зале: слушателей, хоть и было не много, но они показали себя благодарной и внимательной аудиторией. Языковой барьер не являлся препятствием для научной дис-

куссии, благодаря синхронному переводу. Подозреваю, что другое впечатление сложилось у тех, кто пришел на последнюю «педагогическую» секцию 29 марта (а таких было много). В 70 аудитории сесть было некуда, а обсуждение велось на всех трех — русском, английском и немецком — языках! Несмотря на то, что организаторы любезно переводили, было задано всего несколько вопросов. Жаль, ведь темы должны были быть весьма привлекательными для студентов: о читаемых курсах лекций по военной истории в университете Бундесвера рассказал Буркхард Майсснер; Антон Шилдинг поделился результатами проекта «Война и общество в раннее новое время», а И. О. Ермаченко — опытом организации междисциплинарных «военных» конференций; В. Н. Барышников выступил как представитель факультета и рассказал, как у нас принято изучать войны (о чем я, например, только догадывалась).

Признаюсь, меня более всего не оставили равнодушной первый и последний дни конференции, однако по восторженным глазам слушателей можно судить об успехе и второго дня. Непринужденная обстановка, интенсивное общение во время

кофе-брейков и перерывов на обед придавали собранию ученых характер симпозиума. Конференция «Война в зеркале историко-культурной традиции», действительно, удалась и удалась именно как **научная конференция**. Единственным недостатком, пожалуй, было отсутствие круглого стола, однако и без него секции прошли более, чем продуктивно. Военные историки, культурологи и просто историки, говорили об одном и том же — о войне, но говорили совершенно по-разному, открывая друг другу глубину и многообразие этой темы, и, я уверена, могли говорить гораздо дольше, чем предполагала программа заседаний. Радостно было отметить диалог между петербургскими, московскими и немецкими исследователями. Здесь не было места предубеждениям об отсталости, заблуждениях или недостатках той или иной школы, но исключительно диалог и совместный поиск. Конференция показала, что История и не только для военных историков — общее поле битвы и одновременно общая награда. Искренне желаю, чтобы таких событий было все больше.

Лурье Зинаида

DISCIPLINA

Данная статья является, по сути, письменной версией доклада Игоря Гайворонского, который состоит 17 апреля. Публикуется она для того, чтобы те, кто не сможет прийти на заседание СНО, сохранили шанс ознакомиться с трудом этого молодого человека. Он учится на четвертом курсе, подопечный Дмитрия Николаевича Старостина. Необыкновенно ответственно подошел к написанию сего материала и, если его статья покажется вам длинной, не поленитесь дочитать ее до конца, так как она еще и очень интересно и добросовестно написана.

Имперская коронация Карла Лысого в 875 году: взгляд с Запада и Востока франкского мира

Коронация Карла II Лысого (843 — 877) императорской короной в 875 году занимает особое место в истории Западно-франкского королевства и в истории IX века вообще. После событий 25 декабря и вплоть до смерти монарха создается впечатление, что на 3 года единство каролингского мира, единство Западной Европы под скипетром одного императора вновь восстановлено. Императорский венец кажется закономерным итогом всего правления Карла Лысого, носящего характер поступательного движения вперед в виде округления королевских владений за счет южных и восточных земель. Историки нового и новейшего времени неоднократно пытались интерпретировать события 875 года как попытку восстановления Франкской империи. Л. Тейс даже назвал Карла Лысого «воскресшим Карлом Великим». В то же время, давно существует мнение, и, небезосновательное, что имперские амбиции Карла Лысого наносили ущерб интересам собственно Западно-франкского королевства: «Императорские стремления мешали ему исполнять ближайшие национальные французские задачи». Если не учитывать спорную обоснованность употребления термина «национальные задачи», утверждение В. Г. Васильевского не далеко от истины. При всем при этом, всевозможные обобщения и схемы, которые можно предложить, смотря на 875 год с высоты прошедших 11,5 столетий, способны лишь в самой малой степени отразить реальное видение каролингским обществом второй половины IX века имперской коронации Карла Лысого. Чтобы попытаться выяснить, какое же действительно значение для людей той эпохи имело это событие, нужно внимательно рассмотреть сообщения о нем в важнейших хрониках того периода. При выборе анналов¹ необходимых к рассмотрению надо помнить, что каролингский мир к этому времени уже не представлял собой единого целого, а значит, взгляд на коронацию Карла Лысого в Восточно-франкском королевстве

¹Понимая, что в средневековой литературе существуют значительные различия в определении понятий «анналы» и «хроника», автор, применительно к анналам, использует термин «хроника» в широком смысле, в качестве синонима. То же касается и термина «летопись».

существенно отличался от взгляда на западе франкского мира. А, значит, верным путем будет путь сравнения этих двух видений. Польза сравнительно-исторического метода в изучении средневековых хроник была замечена еще А. А. Шахматовым на русском материале: «Замыкаясь в каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение и что единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический». Исходя из всего этого, объектом нашего анализа станут анналы Сен-Бертенского монастыря (Бертинские анналы) и Фульдские анналы, которые являются основными источниками по истории событий 830-870-х годов в западном и восточном королевствах франков соответственно.

К сожалению, формат газетной статьи ограничивает нашу возможность должным образом охарактеризовать интересующие нас источники, поэтому ограничимся несколькими предложениями. Бертинские анналы – продолжение Анналов королевства франков – уже успели стать хрестоматийным источником по изучению франкской истории 830–882 гг. Их третья часть, которая и будет интересовать нас, написана крупнейшим политическим деятелем эпохи, автором «*De ordine palatii*» Хинкмаром Реймским. Его повествование носит подробный характер, однако имеет четкую политическую направленность; как считала А. Д. Люблинская, рассказ архиепископа приближается «по форме скорее к тенденциозным политическим мемуарам, чем к анналам».

Фульдские анналы получили свое название по их первой части, которая, по мнению историков, писалась в аббатстве Фульда (Гессен). Охватывают они большой период – с 680 по 901 годы. Более всего нас интересует часть, написанная предположительно учеником Рудольфа Мегинахардом и посвященная событиям 863–882 гг. Мегинахрд, вероятно, имел хорошее образование, был знаком с трудами Саллюстия, хорошо разбирался в богословских вопросах.

По содержанию записи за 875 год в Бертинских и Фульдских анналах сходны практически в деталях, что с известными оговорками позволяет говорить о достоверности того, что описано и в том и в другом источнике. По структуре они представляют собой заурядные хроникальные сообщения об ассамблеях, праздниках и походах королей. Но когда мы говорим об имперской коронации Карла Лысого в 875 году, то в уме всегда должна возникать коронация Карла Великого как событие, ставшее первым в истории Средних веков прецедентом *renovatio imperii Romani*. После 25 декабря 800 года коронация внука Карла Великого является по сути второй по исторической значимости имперской коронацией франкского короля папой римским (декоративное помазание Людовика Благочестивого Стефаном IV в 816 году в расчет не берем). И 800 и 875 год получили освещение в анналах. И поэтому, при рассмотрении Бертинских анналов, сама собой напрашивается параллель с их непосредственным предшественником – Анналами королевства франков.

На сегодняшний момент приходится констатировать, что реальные мотивы принятия Карлом Великим императорского титула не установлены окончательно. По этой причине возникает сложность выяснения того, насколько политически ангажирован рассказ больших Анналов о событиях за 799–801 годы. Отсюда проистекает трудность сравнения с сообщением Бертинских анналов за 875–876 годы. Однако есть один показатель, который невозможно не принять во внимание: Анналы королевства франков подробно расписывают непосредственную причину римского визита Карла Великого. История злоключений папы Льва III и участия короля Карла в их разрешении описана детально и обстоятельно. То есть, мы имеем, по крайней мере, повод, по которому Карл Великий появился в Риме, а за-

тем, за помощь понтифику, получил императорский венец. Такая ситуация видна из текста Лоршских анналов. Каких-то непосредственных причин, хотя бы каких-нибудь осмысленных мотивов борьбы Карла Лысого за императорский титул в Бертинских анналах мы не видим. Причина, по сути, одна: смерть императора Людовика II; строки из хроники говорят нам следующее: «Карл в августе в Дукиак, что находится вдоль Арденн, пришел; где, получив надежные вести, он узнал, что племянник его Людовик, император Италии, умер. Поэтому, вскоре двинувшись оттуда, он пришел в Понтъон и кого смог из своих советников оповестить освоем приходе, пригласил к себе, и всех, кто его приглашение принял, принял. И оттуда в Лангр он пришел и тех, которых другим образом в Италию наметил повести, собрал; и вот Рихильду, жену свою, через город Реймс в Сильвак отослал и сына своего направив в ту часть своего королевства, которую после смерти его племянника Лотаря вместо своего брата получил, в сентябрьские календы начал свой путь и, через монастырь святого Маврикия пройдя, миновал гору Юпитера, вступил в Италию».

Тем не менее, исходя только лишь из бездетности этого племянника Карла Лысого, права последнего на диадему цезарей весьма сомнительны: согласно существовавшим в то время франкским традициям реальные права на императорскую корону имел не он, а Людовик Немецкий как старший среди Каролингов. Это факт означает, что анналы Сен-Бертенского монастыря не указали нам веской причины того, почему Карл Лысый оказался сначала в Италии, а затем – в базилике Святого Петра. Поэтому поводу можно лишь строить предположения (как, впрочем, и в случае с Карлом Великим). Автор данной работы со своей стороны склонен объяснять стремления Карла Лысого живучестью в его уме «имперского мифа» франков, который обязывал главу западного королевства после долгой обороны и преумножения собственных владений бросить все силы на восстановления величия Империи.

При рассмотрении взгляда этой Фульдской хроники на 875 год, мы должны принять во внимание один очень важный момент. В сообщении за 840 год есть строки, которые проливают свет на позицию восточной ветви Каролингов по отношению к императорскому титулу: «Лотаря, который позднее прибыл из Италии, франки поставили на место его отца в качестве следующего короля. Они говорили, что умирающий император сам назвал его своим преемником, который после него должен встать у руля империи, поэтому он отослал ему королевские регалии, а именно, императорский скипетр и корону». И хотя дальше идет фраза о том, что братья Лотаря (стало быть, Людовик Немецкий – в первую очередь) были не согласны с этим и готовились к войне, мы можем утверждать, что конъюнктура, влиявшая на летописцев-составителей Фульдских анналов, считала потомков Лотаря законными обладателями императорского титула, поскольку Лотарь I был сделан таковым франкским народом и согласно

воле Людовика Благочестивого. В непредвиденной же ситуации прерывания этой ветви потомки Людовика имели полное право на корону Карла Великого.

Но стоит обратиться непосредственно к сообщению Фульдских анналов о событиях 875 года. Что двигает, согласно им, Карлом Лысым и как ведет себя Людовик Немецкий? В тексте хроники мы читаем следующее: «В августе король Людовик с сыновьями и своими верными имел совет на трирской вилле. Между тем Людовик, император Италии, чье тело было перевезено в Милан, в базилике святого Амвросия был погребен. Когда Карл, тиран Галлии, осведомился об этом, он вторгся в Итальянское королевство и все сокровища, которые смог найти, собрал в свои когтистые руки». Этот пассаж очень интересен: Мегинхард рисует нам Карла Лысого как тирана и захватчика. Термин «тиран» - античного происхождения, и его употребление анналистом весьма показательно. Подобный эпитет сразу говорит о многом в видении автором Фульдских анналов природы власти и стремлений Карла Лысого. Греческие слова «тирания» (τιραννίς) и «тиран» (τιραννος), скорее всего, лидийского или фригийского происхождения, впервые встречаются у поэта Архилоха (до 680—640 до н. э.). В основе этого понятия, согласно греческому мировоззрению Архаической эпохи, лежит незаконное происхождение власти. Тиран, таким образом, - это человек, силой или хитростью захвативший власть, которая ему не принадлежит по праву. Аристотель (384—322 до н. э.) также видел в тиранах тех людей, которые стремятся не к общему благу, а к личной выгоде. В Древнем Риме слово «тиран» приобрело прежде всего антиреспубликанскую окраску: тираном называли прежде всего того, кто стремился уничтожить республику, подменив ее единоличной диктатурой.

Греко-римское видение тирании унаследовало и Средневековье. Поэтому Мегинхард, таким образом, называя Карла Лысого тираном, преследовал определенную цель: подчеркнуть незаконность его власти. Этим автор Фульдских анналов наносил «двойной удар» по Карлу: он охарактеризовал как незаконные права Карла Лысого и на власть над Западно-франкским королевством, и на императорскую корону. Античный метод характеристики природы власти, использованный Мегинхардом, превратил сообщение анналов в филиппику против короля западных франков. Непризнание авторами Фульдских анналов власти Карла над западной частью Франкии путем использования термина «галльский тиран» было отмечено отечественной историографией. Автор же данной работы использование Мегинхардом этого античного приема историописания считает косвенным доказательством знакомства анналиста с античными историческими трудами. Главное, что надо нам вынести из сообщения Фульдской хроники – это изображение претензий Карла Лысого на императорский титул как незаконных путем применения к его личности античного понятия «тиран». Кроме этого, Мегинхард применяет римские нравственные критерии к моральному облику короля западных франков: Карл сребролюбив и, к тому же, не отличается храбростью. Беззастенчиво грабящий Италию, Карл, опасаясь сражения с Карломаном, подкупает его деньгами и драгоценностями. Но и этого далеко не все штрихи к нелюбимому портрету «тирана Галлии». Карл Лысый в итоге обманывает Карломана и спешит в Рим.

Здесь стоит перейти к рассмотрению отражения а Бертинских и Фульдских анналах самой коронации Карла Лысого 25 декабря 875 года. Сен-Бертенская летопись содержит следующую запись: «Карл, в то время как те же из знатнейших из Италии к нему не пришли, после того же, как еще больше было принято им, по приглашению папы Иоанна отправился дальше в Рим и за 16 дней до январских календ с великой славой принятый в церкви Святого Петра, в день Рождества Господня блаженному Петру многочисленные и богатые дары по-

жертвовав, императором был помазан и коронован, и объявлен императором римлян». Для сравнения сразу же приведем фрагмент из Фульдских анналов: «В то время как Карл отступил, а Карломан поверил тем обещаниям, которые тот ему посулил, он обманул его и настолько быстро, насколько мог, отправился в Рим; и весь сенат римского народа своевольно обольстил «югуртинскими» деньгами и сплотил для своих целей; так, что даже папа Иоанн, изъявляя согласие с его стремлениями, после того как венец был возложен на голову Карла, велел называть его императором и августом».

Текст восточной хроники не вызывает удивления: Карл выступает в нем не только лжецом, но и мастером подкупа. Подобно Югурте, заплатившему баснословную сумму римским сенаторам за то, чтобы они не предавали его суду за убийство собственных племянников, король западных франков покупает расположение сената и народа Вечного города, а затем получает от капитулировавшего папы диадему. Этот эпизод, своими корнями восходящий к «Югуртинской войне» Саллюстия, лишней раз доказывает, что именно античные методы интерпретации действительности стали оружием анналиста. Это и прямо указывает на уже упоминавшееся знакомство Мегинхарда, как и Нитхарда, с трудами Саллюстия.

Сообщение Бертинских анналов о коронации Карла Лысого на первый взгляд поражает своей беспристрастностью. Фактически это - сухое упоминание визита в Рим, приношения даров Святому Петру и получения императорского венца из рук папы. Единственное яркое наречие - «с великой славой» оказывается простым топосом. В чем причина такого равнодушия западно-франкского анналиста к столь знаковому событию, в центре которого оказался его господин? Ответ на этот вопрос - в личности самого летописца. Если желчь Мегинхарда, соединенная с его знанием античной литературы, объясняется политической заостренностью Фульдских анналов, то сухость слога Хинкмара объясняется его полным равнодушием, если не неприятием события 25 декабря 875 года. Причина такого отношения том, что Хинкмар видел воплощение высшей власти Церкви не в папском престоле, а в галло-франкском епископате, главой которой являлся он сам. И получение Карлом императорского титула из рук римского понтифика, которое, как и в 800 году, значительно возвышало значение последнего, было невыгодно реймскому архиепископу, противоречило его стремлению к реализации идеи служения западно-франкского короля галло-франкской церкви.

Итак, какой же взгляд западной и восточной анналистики на коронацию Карла Лысого императором мы увидели? Хроника Западно-франкского королевства, по причине своеобразного видения ее автором христианской монархии и Церкви, не придавала должного значения событиям, произошедшим при участии папы в Соборе Святого Петра 25 декабря 875 года, не идея дальше простого изложения фактов. В Фульдских же анналах был запечатлен образ Карла Лысого, созданный методами античного историописания. Эти методы, примененные ученым монахом Мегинхардом, составили определенную схему интерпретации политической действительности, в которой главным камнем преткновения в 875 году стали кровно-родственные династические отношения, не сумевшие в условиях нарождающегося феодального общества бесконфликтно решить ситуацию с императорским титулом.

DIALOGI

Самая молодая сотрудница редакции решила взять интервью с Анастасией Андреевной Паламарчук. Вполне ожидаемый выбор, ведь она ее научная руководительница. Они беседовали о романтике Средних веков, сайте «vk.com» и фотографиях с вечеринок. Что из этого вышло судите сами, господа.

Анастасия Андреевна, Хотелось бы задать вам несколько вопросов, не касающихся науки, а именно: почему вы решили поступать на исторический факультет?

Когда я выбирала между филологическим и историческим факультетами (думаю, это логичная дилемма), мне показалось, что первый — это место для таких восторженных девочек, тургеневских барышень, которые любят слащавые стихи и из них раздувают ещё большее облако слащавости. Необходимо быть невероятно восторженным, чтобы пойти туда учиться. А я думала, что девушка серьезная и хочу заниматься настоящей наукой, которая как раз кроется где-то в недрах истфака.

Почему же кафедра истории средних веков?

Потому что Средние века — это время, как мне тогда казалось и как потом отчасти подтвердилось, — время героизма, подвигов и славы, рыцарства, это не какие-нибудь там придворные интриги (хотя потом пришлось заниматься именно этим). Поэтому, между прочим, и Англия (прим. ред. — сфера научных интересов А. А.).

Какое у Вас самое первое большое впечатление о студенческой жизни?

Мое первое впечатление, знакомое вам тоже — это распределение на кафедры. Был весь преподавательский состав. Это все казалось безумно страшным. Моя задача была не показать, что я боюсь до невозможности. И знакомство с кафедрой прошло под девизом «Лишь бы не потерять лицо». Полагаю, что со стороны это выглядело ужасно глупо.

А каково ваше впечатление от нынешних студентов, в частности от первокурсников?

Мне каждый раз безумно интересно. У каждого курса есть свое, очень неповторимое лицо. И первое полугодие всегда проходит очень забавно: у каждого свои характерные черты, и все это складывается в корпоративный облик. Ваш курс (первый) очень юный, но почему-то вы пытаетесь казаться взрослее, чем есть на самом деле.

Помнится, вы водили нас в костел Святой Екатерины.

И, как оказалось, вы там работаете. Как туда попали?

Ятуда попала благодаря средневековой философии. Я думаю, что Фома Аквинский, глядя с небес, меня туда просто привел. Что меня восхищает в Средних веках уже во взрослом восприятии (хотя рыцарство меня до сих пор восхищает, тем более английское, шотландское — ещё больше): доверие средневековья к человеческому разуму. Разум дан — его надо использовать. Доминиканский орден, священники которого как раз работают в костеле Святой Екатерины, продолжатель этой славной традиции. И я подумала, что хочу встретиться с живыми представителями традиций Фомы Аквинского, который был доминиканцем, величайшим философом средневековья и покровителем

всех думающих и, кстати, преподавателей ВУЗов. И, будучи много лет католичкой, я пришла именно в храм Святой Екатерины. Ещё я там играю на органе и пою.

Вы сказали, что в средневековье уважали разум. Как тогда относитесь к тем людям, которые считают средневековье годами застоя? Вы пытаетесь их переубедить?

У меня есть любопытный опыт. Меня позвали в родную школу, где проводятся «Дни науки», куда приглашают людей с ученой степенью. Представьте себе: толпа школьников, это даже не общая лекция, это от 8 «А» до 11 «Г», для которых подобные мероприятия — повод уйти с уроков. Я рассказываю про то, что в средневековье все было не так, как принято считать. В конце меня спросили: «Неужели все это так? Надо это проверить. То, что вы говорите, очень невероятно!» Очень трудно разрушить этот стереотип.

Как вы думаете, почему такой стереотип возник?

За это ответственна эпоха Возрождения, которую мы не любим и правильно делаем! Ибо тогда создали черный образ средневековья, потому что на таком фоне хотели выглядеть хорошо.

И напоследок самые интригующие студентов вопросы.

О вашем пребывании на сайте «vk.com». Почему вы там зарегистрировались?

Когда это только начиналось, все подумали, что это очень здорово, и почему бы не попробовать? А теперь это интересно, потому что: а) можно увидеть, кто из студентов в два часа ночи все ещё сидит в «контакте» и пишет, б) донести до студентов какую-либо информацию. Например, иногда мне в два часа ночи может придти в голову идея: «отменим первую пару, если в два часа ночи столько народа не спит». Но в целом в моем присутствии в «контакте» нет никакой концептуальной нагрузки.

То есть, ваше мнение о тех студентах, которые выкладывают не столь приличные фотографии и пишут не столь глубокомысленные статусы, не меняется?

Нет, потому что молодость — это молодость. Желание побеситься — оно должно быть, если его нет — это как раз странно. Меня скорее удивляет обилие слишком ученого и серьезного, высокопарного, чем фотографии с вечеринок.

Беседовала Чикишева Светлана

Выселение евреев из Англии

Почти всем памятно изгнание евреев из Испании в 1492 г., но мало кто знает, что их в разное время выдворяли практически из всех европейских государств, в которых они жили: Франции, Венгрии, Австрии, Испании, Португалии. Но самое первое изгнание евреев в масштабах страны произошло в Англии в 1290 г. при Эдуарде I.

Этому вопросу посвящено много исследований, но, на мой взгляд, лишь меньшинство из них по-настоящему объективны в связи с болезненностью темы, которая преподносится либо в однозначно позитивном, либо в негативном свете. Для одних историков евреи — добросовестные трудолюбивые подданные, пострадавшие от антисемитизма всего христианского мира, для других — откровенные злодеи, мучители английского народа. Истина, по-видимому, должна быть где-то между этими полярными точками зрения.

Первые сведения о появлении евреев на Британских островах можно обнаружить со времен Вильгельма Завоевателя. Уже тогда эти люди были одним из основных источников дохода короля, в обмен на что получали его покровительство. При финансовом кризисе короны налоги с них взимали ещё чаще. В общественной жизни евреи пользовались относительной свободой. Они сами управляли делами общины и вершили суд на основании положений Талмуда.

Основным занятием евреев было ростовщичество. Они путешествовали по стране и кредитовали английское население от крестьян до крупных феодалов. В XIII в. появился ряд законов, по которым евреям

запрещалось постоянно проживать в каких-либо городах без королевского разрешения, но, тем не менее, во многих из них существовали достаточно обеспеченные еврейские общины.

В чем крылась причина недовольства английского населения? Еврей-иудей были маргинальным элементом в иерархической трехчастной структуре европейского общества. В эту структуру, стоит напомнить, христианизированные евреи в целом вписывались в это, о чем говорил, в том числе и Фома Аквинский, призывая обращать евреев в христианство и заставляя заниматься физическим трудом. Крайне негативное отношение к евреям скорее было связано с родом их деятельности: ростовщичество не одобрялось, кстати, как и проституция, но, тем не менее, обойтись без него было нельзя. Согласно Библии, процент нельзя было получать христианам с христиан и евреям с евреев, зато ничего не говорилось об отношениях «христианин-еврей», в этом русле и развивалось ростовщичество. Считалось, что евреи очень серьёзно завывшали этот процент (в некоторой степени так и было)

и за счет этого наживали себе большие состояния, в то время как население в Англии беднело. Жак Ле Гофф придерживается мнения, что образ «еврея—денежного воротилы» является порождением антисемитизма XIX в. Тем не менее, этот факт имел место, и отрицательное отношение к евреям строилось на основе легенд и слухов, а также из-за нескольких частных случаев ритуальных убийств христианских младенцев, совершенных представителями этого народа. Поэтому на протяжении XI — XIII вв. евреи периодически изгонялись из английских городов, но в небольших масштабах.

Больше всего монет в средние века поглощал такой постоянный ход деятельности, как война. Эдуард I практически постоянно вел войны, занимаясь подчинением Британских островов, соответственно, он нуждался в деньгах. Евреи к тому времени были не настолько платежеспособны, как раньше, из-за налогового гнета, но оставались предметом обсуждений. Эдуард издал ряд антиеврейских законов, запретив им в Статуте 1275 г. заниматься ростовщичеством, в 1279 г. обвинив часть глав еврейских семей в фальшивомонетчестве, также в 1280-х он активно настаивал на христианизации евреев и повелевал им посещать доминиканские мессы. В конце 1280-х английская корона оказалась в долгу и одним из способов решения проблемы было переписать всю собственность евреев на себя. Так и было сделано. 18 июля 1290 г. был издан эдикт «Об изгнании евреев», формальной причиной которого стало невыполнение Статута от 1275 г. В результате, более трех тысяч евреев были вынуждены покинуть страну и вернуться туда официально лишь через четыреста лет при Оливере Кромвеле.

Другой вопрос — только ли экономически было мотивированно изгнание евреев. Безусловно нет. Во-первых, Эдуард I, как любой христианский монарх, негативно

относился к евреям-иудеям, и мотивы религиозной ненависти не были ему чужды. Во-вторых, нельзя не учитывать факт противостояния королевской власти и баронской элиты, настроенной антиеврейски, так как евреи были их кредиторами. Черода погромов прошла при «баронской войне», и поэтому евреи могли стать разменной монетой в снова набирающем силу конфликте короны и элит, недовольных ростом налогов. Наконец, одним из определяющих факторов был основной императив политики Эдуарда, направленной на централизацию власти в Британии и получения супериоритета. Любая автономная структура должна была быть уничтожена или подчиниться монархии. Евреи, не желающие массово принять христианство, не были исключением. Так как они являлись чуждым народом в королевстве, самым простым решением было их изгнать.

Левин Феликс

ACTA DIURNA POPULI ROMANI

17 апреля, Заседание СНО. В 18:00, в аудитории №94 состоится доклад Игоря Гайворонского «Христианская монархия Каролингов: образ в литературе и истоки его формирования». Студенческое научное общество все приглашает. Будет интересно!

27-30 апреля. СПбГУ – МГУ – Выборг. Выше об этом уже было сказано, многие из вас узнали еще раньше, но повторение не будет лишним: 27 апреля к нам приезжают студенты, аспиранты и преподаватели с Кафедры истории средних веков Московского университета. В связи с этим запланировано несколько мероприятий: вечером того же дня ребята посетят спецкурсы и спецсеминары. 28 апреля мы выезжаем в Выборг, поселяемся в хостеле, проводим в Замке небольшую конференцию, затем общаемся и гуляем по городу. 29 апреля с пешими экскурсиями по городу и парку «Монрепо» нас будут водить С. Ю. Агипшев и Вова Муненко. Вечером этого дня мы возвращаемся в Петербург. 30 апреля – свободный день. Программу и планы будем обдумывать при встрече. Вечером провожаем наших друзей на поезд.

Желающие поехать и поучаствовать, поторопитесь - осталось 7 мест! Если вы хотите и можете помочь с организацией, размещением и с прочей суетой – дайте о себе знать. Со всеми вопросами вы можете обратиться в редакцию газеты «VMA», на кафедру истории средних веков и в студенческое научное общество.

И для затравки: в конце апреля или в начале мая к нам в гости придет Игорь Павлович Медведев (без комментариев. Вы и так должны знать, кто это). Придет, чтобы познакомиться, о чем-нибудь рассказать и поговорить. Не упускайте эту редкую возможность.

Следите за информацией!

«VoxMediiAevi» №2 (5) 2012 от 16.04.2012. — газета студенческого научного общества Кафедры истории средних веков исторического факультета СПбГУ. Распространяется в электронном виде.

Над выпуском работали: редактор — Боварь Виталий, корректоры — Подсадников Данил, Новикова Александра, верстка — Перпечкин Кирилл, авторы — Левин Феликс, Гайворонский Игорь, Лурье Зинаида, Борковская Елизавета, Чикишева Светлана.

Группа Студенческого научного общества: <http://vk.com/club11675021>

Группа для сбора и обмена информацией: http://vk.com/medieval_help

e-mail газеты: voxmediiavei@gmail.com

e-mail председателя СНО: kperepechkin@gmail.com

В оформлении номера использовались фрагменты из рукописи Giovanni Boccaccio «De casibus virorum illustrium» (Cologne, Fondation Martin Bodmer, Cod. Bodmer 174, 15th century)

praefatio, õnis f. — вступительное слово / memor, oris — помнящий / chronica, õrum n. — летопись / disciplina, ae f. — учение / scio, ivi (ii), itum, ire — знать / dialogus, i m. — разговор / Acta diurna populi Romani — ежедневные дела римского народа